

Посадков Александр Леонидович,

профессор, главный научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, доктор исторических наук
«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937-1938 ГГ. В СУДЬБАХ СИБИРСКИХ ИСТОРИКОВ¹

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011- 00170).

Состояние исторической науки в Сибири и на Дальнем Востоке на протяжении всех 1930-х гг. можно однозначно охарактеризовать как неудовлетворительное. Тому было много причин: и общее положение истории как науки в условиях

большевистской диктатуры, и слабая насыщенность восточных территорий страны вузами, а тем более научно-исследовательскими учреждениями, и традиционное для окраин малое количество квалифицированных кадров ученых.

Существовали и специфические для сталинской эпохи препятствия в развитии за Уралом исторических исследований. Прежде всего это целенаправленное сокращение мест, где историки могли бы работать по специальности. Учреждений АН СССР до 1932 г., когда в Приморском крае был организован Дальневосточный филиал Академии наук, на востоке России не было вообще. Существовали три региональных научно-исследовательских центра, которые были организованы и финансировались за счет бюджетов двух автономных республик и одного края: НИИ языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР, Бурят-Монгольский государственный институт культуры (языка, литературы и истории) (ГИЯЛИ) при Совнарком Бурят-Монгольской АССР и Дальневосточный краевой НИИ, состоявший на бюджете сначала Дальневосточного университета (с 1924 г.), а затем с 1928 г., как самостоятельное научное учреждение, на бюджете Далькрайисполкома. Однако Дальневосточный КНИИ просуществовал недолго (до 1932 г.), ГИЯЛИ был фактически разгромлен в середине 1930-х гг. как «гнездо» бурятских националистов, а якутский НИИ подвергался нападкам и «чисткам» по тем же мотивам.

Не существовало как таковых факультетов и кафедр истории и в трех, находившихся на территории Сибири и Дальнего Востока, университетах – Томском, Иркутском и Дальневосточном. Факультеты общественных наук, работавшие в них с начала 1920-х гг., в течение 1924–1926 гг. были закрыты: с точки зрения советских руководителей высшей школы, они являлись прибежищем обществоведов старой дореволюционной формации, вредно влиявших на студенчество. Общей картины не поменяло создание на востоке страны сети педагогических институтов: в Томске и Иркутске (1931), Бурятии (1932), Хабаровске (1934), Новосибирске (1935) и т. д. В середине 1930-х гг. во исполнение партийных постановлений здесь появились исторические и историко-филологические факультеты, но контингент их преподавателей формировался в основном из «новых» ученых – партийных пропагандистов, часть из которых окончила институты красной профессуры.

Все это вынуждало профессиональных историков работать не по специальности, преподавать учебные предметы, не связанные или косвенно связанные с исторической наукой, устраиваться на административные должности. Бывший профессор Томского университета юрист и историк Н. Я. Новомбергский с 1920 по 1930 г. работал в различных экономических и плановых учреждениях Сибревкома, а затем Сибкрайисполкома (в 1930 г. был заместителем председателя Сибкрайплана). Всемирно известный этнограф, археолог и специалист по древней истории Сибири, профессор Иркутского университета Б. Э. Петри после закрытия в 1926 г. факультета общественных наук (ФОН) пошел преподавать на экономический факультет, а затем, вытесненный и оттуда, стал сотрудником облисполкома [1, с. 34; 2, с. 298]. Географ и археолог А. З. Федоров, проводивший раскопки в Приморье, стал в 1932 г. первым директором Горно-таежной станции Дальневосточного филиала АН СССР [3, с. 117]. Известный историк В. С. Манассеин, преподававший в Иркутском университете до 1925 г., был вынужден после ликвидации кафедры истории права уйти на должность директора библиотеки Иркутского университета, а после снятия с этого поста в 1930 г. (по политическим мотивам) стал директором технической библиотеки Восточно-Сибирского горного института. С 1931 по 1936 гг. он смог опубликовать всего одну научную статью, хотя за предыдущие годы профессиональной деятельности (1925–1931) В. С. Манассеин издал пять отдельных книг по истории Восточной Сибири, не считая ряда фундаментальных статей [4, с. 241, 247–251].

За Уральским хребтом единственным учебно-научным заведением, в котором еще могли осуществляться исследования в области истории, в 1930-е гг. оставался Дальневосточный государственный университет. Старейший вуз Дальнего Востока, основанный в 1899 г. как Восточный институт, являлся базой для выдающейся научной школы востоковедов, что предполагало проведение не только филологических и этнографических исследований, но и разработку исторической проблема-тики применительно к сопредельным странам (Китай, Япония, Корея, Монголия), а также к дальневосточным территориям России. Историческую науку на факультете востоковедения ДВГУ представляли историк и библиограф З. Н. Матвеев (работавший также директором университетской библиотеки, один из сыновей основоположника дальневосточной науки и литературы Н. П. Матвеева), К. А. Харнский, П. А. Гриневиц, М. Н. Востриков, А. П. Ещенко, И. А. Клюкин, В. А. Войлошников. Но и здесь, во Владивостоке, ситуация с проведением исторических исследований была крайне напряженной: возможность осуществления таких работ, вместе с самим восточным факультетом, то исчезала, то вновь появлялась. В 1930 г. ДВГУ, как и многие другие университеты СССР, был закрыт в результате реформы высшего образования. На его месте появилось несколько отраслевых вузов, среди которых места востоковедению не нашлось. Спустя три года сталинское руководство СССР, осознав ошибку, восстановило советские университеты в их прежнем статусе. ДВГУ вернулся, в нем вновь заработал факультет востоковедения. Однако в 1939 г., когда после репрессий в университете почти не осталось квалифицированных кадров преподавателей, ДВГУ был закрыт уже надолго (он возродился только в 1956 г.).

Организационные потрясения пагубным образом сказались на состоянии профессорско-преподавательского состава. Не имея твердой почвы в виде собственно отделения истории, из ДВГУ к середине 1930-х гг. уехали историки П. А. Гриневиц [2, с. 129–130], профессор А. П. Георгиевский [5, с. 85–86], из преподавания ушел И. А. Клюкин.

Отрицательную роль в развитии исторической науки 1930-х гг. сыграли якобы профессиональные, а на деле политико-идеологические дискуссии по вопросам истории. Научные дискуссии, обычные в среде историков, под влиянием пропагандистского аппарата ВКП (б) превратились тогда в форму изобличения врагов марксизма-ленинизма, в инструмент политического шельмования ученых. Так произошло, в частности, с развернутой в 1931–1933 гг. дискуссией об азиатском способе производства [6], в которой приняли участие многие историки-востоковеды. Навешанные в той дискуссии «ярлыки» через несколько лет отозвались для историков обвинениями со стороны НКВД в нелояльности марксистской догме.

Многим историкам, работавшим на периферии, не сразу стал понятен произошедший в середине 1930-х гг. поворот сталинской идеологии от исторического нигилизма, культивировавшегося школой М. Н. Покровского, к великорусскому национал-патриотизму. Немалое число преподавателей истории в провинциальных вузах продолжали считать отрицание дореволюционного исторического наследия России партийной и марксистской точкой зрения. Это в условиях 1936–1939 гг. стало поводом к обвинению их в отступничестве от государственных установок. С другой стороны, не прекращались кампании проработок и преследований отдельных ученых и изданий, начатые еще в конце предыдущего десятилетия под флагом борьбы за идеологическую чистоту советской науки. У всех на глазах был пример журнала «Каторга и ссылка» – органа Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Журнал попал под постоянный огонь критики партийных историков за отход от марксистско-ленинских принципов [7, с. 365]. Дело закончилось закрытием в 1935 г. и самого журнала, и его издателя – Всесоюзного общества политкаторжан.

Существовал и ряд других, более мелких «ловушек» для историков, расставленных сталинской политикой. 16 мая 1934 г., например, ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР приняли постановление, на основе которого началась работа над учебником по новой истории колониальных и зависимых стран, причем редактором этого издания был назначен К. Б. Радек [2, с. 209]. Те из историков, кто, выполняя партийное постановление, согласился принять участие в создании этого учебника (например, К. А. Харнский по разделу «Китай»), через три года были обвинены, среди прочего, в связях с «врагом народа» Радеком.

В течение первой половины 1930-х гг. ряды сибирских и дальневосточных историков изрядно уменьшились. Но и оставшиеся ученые каждый день могли ожидать удара со стороны карательных органов. Еще до полосы «Большого террора» ряд известных историков стал фигурантом сфальсифицированных дел и был «изъят»

органами ОГПУ / НКВД. 23 июля 1930 г. был осужден на 5 лет ИТЛ арестованный в Новосибирске профессор Н. Я. Новомбергский (в дальнейшем заключение в лагерь было заменено ему ссылкой на русский Север) [2, с. 285]. В 1935 или 1936 г. репрессиям подвергся дальневосточный археолог А. И. Разин – бывший сотрудник краевого НИИ и Приморского краевого музея [8, с. 101–102]. Особенно «результативной» для ОГПУ на Дальнем Востоке стала операция по репрессированию в 1933–1934 гг. целой группы гуманитариев, якобы входивших в «контрреволюционную организацию» знаменитого писателя и ученого В. К. Арсеньева. Сам Арсеньев не попал в сети карателей (он умер в 1930 г.), но его бесчисленные и универсальные связи практически со всеми учеными Дальнего Востока, с одной стороны, и его прошлое, с другой (офицер царской армии, разведчик Генерального штаба России, формально не уволенный со службы и при белогвардейцах) – предоставляли для сочинителей фальшивых обвинений большие возможности. Покойный ученый был объявлен главой «контрреволюционного заговора», имевшего целью отторжение Дальнего Востока от Советской России, восстановление в крае капитализма и монархии и т. п. В 1933–1934 гг. на Дальнем Востоке прошло несколько закрытых процессов, состряпанных краевым ОГПУ по одному и тому же рецепту: ученые (преимущественно с дореволюционным стажем работы) обвинялись в том, что они состояли в мифической контрреволюционной и «вредительской» организации В. К. Арсеньева, саботировали решения партии и правительства, готовились свергнуть про-летарскую власть и т. д. Среди историков, осужденных на различные сроки, были уже упоминавшийся А. З. Федоров [2, с. 464], несколько преподавателей ДВГУ.

Наиболее резонансным из этих сфабрикованных дел стало так называемое дело «автономной Камчатки», одним из главных фигурантов которого являлся широко известный историк профессор В. И. Огородников – бывший организатор и первый декан историко-филологического факультета Иркутского университета, бывший ректор ДВГУ и заведующий культурно-исторической секцией Краевого НИИ во Владивостоке. К моменту ареста 5 мая 1933 г. он являлся заместителем директора Камчатского отделения Всесоюзного Арктического института. Историк обвинялся в тех же вымышленных преступлениях, что и его сопроцессники – камчатские краеведы: «вредительство», стремление отделить Камчатку от СССР [9]. Осужденный на 10 лет заключения, В. И. Огородников умер в 1938 г. в ГУЛАГе.

Волна массовых репрессий, начавшихся в СССР летом 1937 г., получила у современных исследователей наименование «Большой террор» (термин введен Р. Конквестом). Повальные аресты представителей научной среды сопровождались фиктивными «судами» областных «троек», «особого совещания», «выездных сессий» Военной коллегии Верховного суда, которые почти всегда заканчивались смертными приговорами. За год с небольшим (до осени 1938 г.) были выбиты практически все, еще остававшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, профессиональные историки.

Первым, еще 28 мая 1937 г. был арестован Б. Э. Петри. Он, как немец по национальности, проходил по большому «делу немецких специалистов». Крупный и авторитетный ученый, член-корреспондент Английского и действительный член Американского антропологических обществ, чьи труды переводились и издавались за рубежом, давно уже вызывал неприязненную реакцию со стороны УНКВД Восточно-Сибирского края. Обвинений, по которым он был осужден, хватило бы на десять жертв тоталитарного произвола: ему вменили в вину и шпионаж в пользу двух разведок – английской и японской, и участие в некоей универсальной по направлениям своей деятельности «немецко-японской фашистской диверсионно-разведывательной право-троцкистской» организации. 14 ноября 1937 г. Б. Э. Петри был приговорен Комиссией НКВД СССР к расстрелу, а 25 ноября расстрелян [10, с. 120; 11, с. 200, 202–203].

В. С. Манассеин и Н. Н. Козьмин были арестованы в Иркутске практически одновременно: первый 22, а второй 23 августа 1937 г. Оба провели в тюрьме по году. Обвинение было стандартным: шпионаж в пользу Японии и участие в контрреволюционной белогвардейской организации. Зацепкой для второго пункта обвинения было «белогвардейское» прошлое обоих ученых: Н. Н. Козьмин в 1918–1919 гг. являлся (заместителем) министра земледелия Омского правительства, а В. С. Манассеин служил в колчаковской армии в звании подполковника. Странным образом совпали и обстоятельства кончины обоих ученых: Н. Н. Козьмин умер 21 августа 1938 г. в больнице Иркутской тюрьмы – по официальной версии, от декомпенсации сердца [12, с. 218–219; 13, с. 4–8]. Через шесть дней, 27 августа 1938 г. в этой же

тюремной больнице умер В. С. Манассеин (на другой день 28 августа ему, несмотря на это обстоятельство, Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР был вынесен смертный приговор [4, с. 251].

Были репрессированы практически все историки – представители коренных народов Сибири. 11 августа 1937 г. в Ленинграде НКВД был арестован Ц. Жамцарано – основоположник исторической науки Бурятии, исследователь монгольских летописей и других письменных памятников [2, с. 162]. Якутский этнограф, фольклорист и историк Г. В. Ксенофонов, уехавший в Москву для работы над вторым томом своего труда по древней истории якутов (первый том издан в Иркутске в том же 1937 г.), 22 апреля 1938 г. был арестован в столице по так называемому «якутскому делу» [2, с. 228]. Примерно тогда же, но уже в Якутске, был схвачен и осужден Г. А. Попов – историк и этнограф, председатель Якутского отделения Русского географического общества, автор первой профессионально написанной книги по национальной истории (Очерки по истории Якутии. – Якутск, 1924). В 1942 г. он умер в Карлаге [2, с. 311].

Помимо широко известных имен мартиролог жертв политических репрессий 1937–1938 гг. включает сведения о многих других историках, чьи заслуги были менее заметны современникам. В 1938 г., например, был расстрелян П. С. Михно – директор известного музея в Кяхте (Бурятия) [8, с. 100]. В современной литературе получили всестороннее освещение и репрессии в отношении известных партийных историков (большевиков) В. Д. Вегмана, А. А. Ансона, Г. В. Круссера. Следует отметить, что от преследований в этот период пострадали и молодые советские историки, выпускники различных институтов красной профессуры, например, руководитель Дальневосточного Истпарта А. П. Шурыгин, будущий крупный исследователь истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. 7 января 1938 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О ликвидации институтов красной профессуры» – и тем самым фактически закрыл возможность подготовки кадров молодых историков, нацеленных на изучение недавнего революционного прошлого.

Работу НКВД по уничтожению носителей исторических знаний увенчало истребление весной 1938 г. школы историков-востоковедов ДВГУ. Почти вся группа дипломированных востоковедов Владивостока (как филологов, так и историков) была арестована одновременно 5 ноября 1937 г. В застенки попали сразу К. А. Харнский, З. Н. Матвеев, М. Н. Востриков, В. А. Войлошников (А. П. Ещенко был арестован ранее – 28 июня 1937 г.) [2, с. 84, 102, 107, 161, 258]. При аресте К. А.

Харнского была изъята и позднее пропала рукопись его монографии «История Кореи» объемом в 800 страниц [2, с. 395; 5, С. 84–85]. Востоковедам приписывалось создание «шпионско- вредительской» контрреволюционной организации, шпионаж в пользу Японии и т. п. штампованные вымыслы. 25 апреля 1938 г. все они были приговорены выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР к расстрелу и в тот же день расстреляны. (М. Н. Востриков стал единственным из всех осужденных, кто получил 20 лет лагерей, но это была отсроченная смерть. Ученый был этапирован на Колыму, где умер 9 ноября 1938 г. [2, с. 107].

Через несколько месяцев организаторы процесса «вспомнили» про еще одного востоковеда, преподавателя палеографии и истории И. А. Клюкина. Он уже не работал в ДВГУ и потому избежал в 1937 г. коллективного ареста. За ним пришли 17 июля 1938 г. Меньше чем через месяц следователи «разобрались» с И. А. Клюкиным, 15 августа 1938 г. он был приговорен к расстрелу и в тот же день казнен [2, с. 204].

Итогом деятельности сталинского карательного аппарата явилась фактическая маргинализация исторических исследований в восточных регионах России. Как верно заметил один из современных исследователей, «утверждающийся в стране советский тип культуры, не допускающий инакомыслия и оппозиции, теперь уже не нуждался в изучении прошлого» [14, с. 349]. Историческая наука в ее классическом университетском понимании сначала была вытеснена в регионах на обочину научного знания, затем «отформатирована» в духе коммунистической идеологии, а в конечном итоге – уничтожена в лице ее лучших представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинов В. В. Исследователи древнего Забайкалья. – Чита, 1992. – С. 31–34.
2. Люди и судьбы : биобиблиогр. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). – Санкт-Петербург, 2003. – 496 с.

3. Кузнецов А. М. Первопроходец приморской науки А. З. Федоров // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 1997. – № 6. – С. 115–125.
4. Гаращенко А. Н. В. С. Манассеин – историк и краевед Иркутска (штрихи к портрету) // Манассеин В. С. История с библиографией : сб. ст. / Публ., сост., предисл., статья, ком-мент. – А. Н. Гаращенко; статья – Е. Ш. Соломон. – Иркутск, 2010. – С. 223–256.
5. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток, 1999. – 704 с.
6. Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М. Годеса. – Москва ; Ленинград, 1931. – 184 с.
7. Исачкин С. П. Рецензирование литературы о революционном движении как фактор зарождения историографических исследований в Сибири // Катанаевские чтения : материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения ген.-лейт. Г. Е. Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.). – Омск, 2008. – С. 363–366.
8. Бродянский Д. Л. Археологи: Очерки и размышления об археологах и судьбах археологии. – Владивосток, 2016. – 202 с.
9. Посадсков А. Л. Жизнь как бегство: к воссозданию биографии историка-архивиста В. И. Огородникова // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 11 марта 2015 г.). – Новосибирск, 2015. – С. 163–170.
10. Пархоменко С. Н. Архивно-следственное дело Б. Э. Петри // П. А. Кропоткин: гуманист, ученый, революционер. – Чита, 1992. – С. 115–122.
11. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. – Москва, 1998. – № 3. – С. 191–206.
12. Свинин В. В. Профессор Н. Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона : тез. докл. к науч.-практ. конф. 11–14 мая 1994 г., посвящ. 50-летию российско-новозеландских дипломатических отношений. – Иркутск, 1994. С. 216–219.
13. Н. Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед, журналист, общественный деятель (1872–1938) : биобиблиогр. указ. / Нац. б-ка Респ. Бурятия. – Улан-Удэ, 1999. – 28 с.
14. Фадеев К. В. Сибирское краеведение в 1880–1930-х годах // Катанаевские чтения : материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения ген.-лейт. Г. Е. Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.). – Омск, 2008. – С. 247–249.

Публикация: **Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия.** Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.)